

О ПРОТИВОГОСУДАРСТВЕННОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ ВЪ РАСКОЛѢ.

(Статья вторая и послѣдняя).

III.

О современныхъ проявленіяхъ противогосударственнаго элемента въ расколѣ.

Если мысль объ открытомъ сопротивленіи раскола государству еще при Петрѣ могла казаться фантазіею, неимѣющею никакой практической цѣнности, то тѣмъ менѣе эта мысль можетъ имѣть мѣсто въ наше время, когда новое государство пустило уже самыя глубокіе корни въ жизни, когда оно развилось до возможной степени крѣпости и силы, когда оно волей-неволей привязало къ себѣ симпатіи и интересы огромнаго большинства населенія. Поэтому расколъ всего болѣе чуждъ мысли о какомъ бы то ни было насильственномъ дѣйствованіи противъ государства. Подобнаго рода фантазіи могутъ еще услаждать разстроенное воображеніе сектантовъ—иллюминатовъ, составляющихъ общины въ родѣ наполеоновщины, селивановщины и т. п., сектантовъ, которыхъ отрицается расколъ и которыхъ мы, по многимъ причинамъ, не можемъ отождествлять съ раскольниками*. Что же касается собственно раскола, то природный здравый смыслъ, свойственный русскому человѣку, составляетъ для него достаточную гарантію противъ подобнаго рода самообольщенія. Вся противогосударственная роль раскола ограничивается отрицаніемъ. Отрицаніе—это обыкновенное оружіе слабости противъ силы, исчерпываетъ весь смыслъ современной оппозиціи раскола. Расколъ отрицаетъ государство въ теоріи—развитіемъ противогосударственнаго ученія, на практикѣ—развитіемъ своей особой, изолированной отъ государства, жизни.

Раскольники всѣхъ толковъ и согласій раздѣляютъ ту мысль, что государство русское лишено благодати божіей и состоитъ подъ вліяніемъ дьявола. Но, выходя изъ этого общаго положенія, раскольники расходятся въ дальнѣйшихъ выводахъ. Одни останавли-

* Объ этомъ см. у Мельникова, въ письмахъ о расколѣ.

ваютъ свое отрицаніе ближе, другіе дальше, а третьи доводятъ это отрицаніе до послѣднихъ результатовъ. Такимъ образомъ въ расколѣ можно отличить три государственныя теоріи. Одну мы назовемъ поповщинскою, другую общебезпоповщинскою, и третью странническою *.

Послѣдователи поповщины вѣрятъ, что антихристово царство наступило, но не рѣшаются приложить это вѣрованіе къ области государственной жизни. Гдѣ, какъ царствуетъ антихристъ, и какъ его царство относится къ русскому государству—на эти вопросы послѣдователи поповщины не даютъ прямого и яснаго отвѣта. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ авторитетѣ законнаго правительства рѣшается категорически. Правительство есть орудіе дьявола и безсознательно творить волю его. Этимъ догматомъ опредѣляется уже образъ отношенія къ государству. Если государство есть орудіе дьявола, то уваженіе къ его порядкамъ, узаконеніямъ и учрежденіямъ немислимо. Такимъ образомъ уже поповщина развязываетъ руки для всякаго рода противогосударственныхъ дѣйствій. Но политическій либерализмъ поповщины связывается тѣмъ соображеніемъ, что государство есть фактъ; а все существующее не держится безъ божественнаго поущенія. А если Богъ терпитъ существованіе государства, то это и насъ обязываетъ къ извѣстнаго рода терпимости въ отношеніи къ государству. Мы обязаны воздавать ему весь внѣшній долгъ. Мы должны выражать почтеніе къ его представителямъ, исполнять всѣ внѣшнія обязательства въ отношеніи къ государству. Однимъ словомъ, внѣшнее отношеніе къ государству должно быть безукоризненно. Иное дѣло внутреннее сознаніе, совѣсть. Здѣсь нѣтъ мѣста никакому уваженію къ государству. Здѣсь могутъ совершенно законно существовать мысли, чувства, желанія, не только неуважительныя, но и чисто враждебныя государству. Эти мысли, чувства и желанія могутъ переходить даже въ соотвѣтствующіе имъ поступки, но только въ такомъ случаѣ, когда дѣло касается совѣсти, вѣры. Неповиновеніе правительству, сопротивленіе его узаконеніямъ вообще непозволительно; но когда нужно отстоять святость своей вѣры, тогда дѣлаются позволительными всякія средства. Съ этой точки зрѣнія могутъ быть оправданы подкупы, всякіе обманы, всякіе подлоги, даже всякія насилія. Извѣстно, напр., что раскольники села Мечетнаго собрались съ дрекольями въ рукавъ для защиты своего мона-

* Названій этихъ однакожъ не должно принимать въ строгобуквальномъ смыслѣ. Теорія раскола такъ еще мало выработана, что здѣсь немислимы никакіе ясноопредѣлившіеся оттѣнки и направленія. Поэтому очень нерѣдко случается, что раскольникъ, принимающій общія начала безпоповщины, въ понятіяхъ о государствѣ слѣдуетъ поповщинѣ, и наоборотъ. Такъ напримѣръ, чер-

стыря ¹. Итакъ лицемѣріе, двоедушіе, наружная покорность и за-таенная враждебность—вотъ политика поповщины. Цѣль освящаетъ средства, это опасное правило тѣмъ болѣе опасно у раскольниковъ, что живя исключительно религіозной жизнью, они на все смотрятъ съ религіозной точки зрѣнія, и каждую цѣль могутъ сдѣлать священной въ собственномъ сознаніи.

Политическая теорія поповщины составляетъ первую фазу въ развитіи противогосударственнаго ученія раскольниковъ. Безпоповцы сдѣлали дальнѣйшій шагъ. Здѣсь раскольниковъ ученіе о государствѣ выразилось прямѣе, смѣлѣе и рѣзче. У поповцевъ государство есть безсознательное орудіе въ рукахъ дьявола; у безпоповцевъ государство становится сознательнымъ орудіемъ антихриста: у поповцевъ государство безблагодатно; у безпоповцевъ богоборно. Поповцы проповѣдуютъ внѣшнее почтеніе къ авторитету государства. Безпоповцы не признаютъ этого авторитета, и покоряются, уступая только силѣ.

Безпоповцы представляютъ свое общество подъ видомъ плѣнника, томящагося въ страшномъ агарянскомъ плѣну, и немѣющаго никакой надежды на освобожденіе. О какихъ бы то ни было нравственныхъ обязанностяхъ въ отношеніи къ государству, какъ къ орудію божественнаго промысла, какъ къ органу правды, какъ къ условію народнаго благосостоянія, у безпоповцевъ не можетъ быть и рѣчи. Безпоповцы—послѣдователи истины, а государство—орудіе антихриста; но съ другой стороны, безпоповцы несчастные пленники, а государство—жестокосердый тиранъ. Отсюда, изъ этихъ двухъ обстоятельствъ, должны развиваться государственныя отношенія безпоповщины. «Дабы никто не имѣлъ на насъ гнѣва во еже до конца обидѣти», регламентируетъ безпоповщина (то-есть дабы не ожесточить своего врага, у котораго мы находимся въ плѣну, и тѣмъ не подвергнуть риску и того немногаго, чѣмъ мы владѣемъ), «аще требуетъ врагъ злата, дадите, аще ризу—дадите, аще почести—дадите, аще вѣру хоцетъ отъяти, мужайтесь всячески. Мы въ послѣднее время живемъ—и потому всяку дань даемъ всякому просящему, дабы не предалъ врагъ на муку, или бы не заточилъ въ незнаемое мѣсто» ². Въ этихъ словахъ заключается истинное *profession de foi* всей безпоповщины, хотя они взяты изъ полемическаго сочиненія еедосѣвщины противъ филиповцевъ. «Удо-

нобольды, будучи поповцами, въ области государственнаго ученія чистые безпоповцы. Точно также поморцы, согласіе безпоповское, въ понятіяхъ о государствѣ значительно приближаются къ поповщинѣ.

¹ Ист. М. В. Д., стр. 285—288.

² Авол. еедосѣвцевъ.

влетворяй требованіямъ государства на столько, на сколько это полезно для собственнаго спокойствія» — вотъ единственный и общій принципъ государственныхъ отношеній безпоповщины.

Что касается взгляда безпоповщины на разные порядки и чины русскаго государства, то, по ея мнѣнію, все это изобрѣтенія дьявольскія. Вотъ, напр., какъ одинъ едосѣвецъ умствовалъ по поводу этихъ изобрѣтеній: «Императорскій титулъ заимствованъ Петромъ Великимъ отъ нечестиваго сатанинскаго папы римскаго и значитъ въ переводѣ на русскій языкъ не что иное, какъ титанъ, перунъ или дьяволъ. Двуглавый орелъ тоже происхожденія демонскаго, потому что всѣ люди, звѣри и птицы имѣють по одной головѣ, а двѣ главы у одного дьявола. Законы гражданскіе изданы не царемъ, а бюрократіей; царемъ же подписаны только изъ опасенія смерти; а потому эти законы должно почитать незаконными. Настоящій законъ есть стоглавъ Іоанна Грознаго Изъ властей мірскихъ должно признавать только тѣхъ, которыя поставлены царемъ, а не императоромъ. Начальниковъ нынѣ нѣтъ; а прежде были зѣ лицѣ бояръ и воеводъ. Сенатъ есть дьявольскій комитетъ».

Безпоповщинскія понятія о государствѣ, какъ очевидно, могутъ вести къ безграничному политическому отрицанію. Разсматривая государство, какъ органъ не права, а насилія, безпоповецъ можетъ съ спокойною совѣстію освободить себя отъ всякихъ доказательствъ въ отношеніи къ государству. Исторія безпоповщины представляетъ многочисленныя примѣры того, что вопросы религіи, ближайшимъ образомъ связанныя съ областію государственныхъ отношеній, рѣшались въ смыслѣ, самомъ неблагопріятномъ для государства. Въ 1811 году, напр., на волковскомъ кладбищѣ составлены были правила, по которымъ молиться за государя запрещено, требовалось властей не уважать, присягу считать еретическою и антихристовою, военной службы не терпѣть, побѣги изъ нея считать дозволенными¹. Послѣ пожара, испепелившаго даниловскій монастырь въ Поморьѣ, филиповцы Архангельской губерніи предложили поморянамъ пособіе, но подъ условіемъ, чтобъ они отказались отъ молитвы за государя, и поморцы приняли это условіе². Еще императоръ Александръ замѣтилъ, что въ преображенскомъ богаделенномъ домѣ разсѣваются вредныя правила, неповиновеніе къ властямъ и закону³; императору сдѣлалось извѣстно, что Сергѣй Гнусинъ, учитель дѣтскаго пріюта при преображенскомъ домѣ, въ

¹ Ист. М. В. Д. стр. 120—121.

² Тамъ же, стр. 392.

³ Собр. пост. по части раск. по М. В. Д., стр. 69.

своихъ произведеніяхъ проводить такую мысль, что императоръ Александръ есть самъ антихристъ, вооружившійся противъ Христа.

Странники развили безпоповщинскія понятія о государствѣ до возможной полноты и опредѣленности. Вѣрные основной идеѣ, странники не ужаснулись ни предъ какими выводами, довели безпоповщинскую теорію государства, такъ-сказать, до геркулесовскихъ столбовъ нелѣпости и чудовищности. У нихъ нѣтъ тѣхъ пробѣловъ, нѣтъ того колебанія на обѣ стороны, тѣхъ обоюдностей, которыми характеризуется ученіе безпоповщины о государствѣ. Начала страннической теоріи ясны, выводы послѣдовательны, логика неумолима. Собственно у однихъ странниковъ политическое ученіе раскола выработалось до степени цѣлостной, органически-построенной системы.

Государство есть не только орудіе антихриста, оно есть сѣтъ антихристова, такъ что человѣкъ, связанный отношеніями государственными, находится уже ео ipso въ рукахъ антихриста, становится его рабомъ.

«По вѣрѣ моей разумѣю—писалъ одинъ страннической наставникъ—что теперь пришелъ антихристъ, который явился не въ одномъ человѣкѣ, а во множествѣ людей постепенно».

Первое воплощеніе антихриста состоялось въ образѣ троицы: царя Алексѣя Михайловича, патріарха Никона и справщика Арсенія. Имена этихъ людей заключаютъ въ себѣ звѣриное число (Алексѣй = 104, Никонъ = 198, Арсеній = 364, всего = 666.

Въ лицѣ императора Петра послѣдовало первое обновленіе антихриста. Въ словѣ *императоръ*, опять звѣриное 666.

Въ лицѣ Петра III произошло второе обновленіе антихриста. Голстеннъ=666.

Александръ Благословенный еще разъ обновилъ антихриста. Въ греческомъ названіи императора *βενεδικτος* (Благословенный) заключается опять роковое 666.

Въ императорѣ Николаѣ странники видятъ четвертое обновленіе. Чтобы отыскать въ имени его звѣриное число, они пишутъ не Николай, а Николаай. Они говорятъ, что никакого святого Николая не было, а были Никоблы. По паденіи благочестія въ Россіи, имя Николы исказили прибавленіемъ слога *ай*, и составили еретическое имя Николаай, въ память еретика Николаа Нѣмчина*.

Такимъ образомъ, представитель и глава государства есть антихристъ, предсказанный пророками, апостолами и св. отцами церкви. Власть гражданская есть образъ антихриста, потому что

* Отч. Мельник. часть II, отд. VII.

«у ней вси человѣцы въ покорствѣ состоятся» ¹. Власть духовная есть тѣло антихристово, по слову пророка Ефрема Сирина, «яко тѣлеса демонская въ проповѣдницѣхъ его заключишася» ²; притомъ же люди, облеченные духовною властію, носятъ платье черное, а «демони видомъ черни суть». Народъ изображаетъ собою тѣ трупы, которые, по словамъ пророка Ефрема, во времена антихриста, будутъ лежать по всей вселенной. Изъ этихъ трехъ элементовъ — образа, тѣла и труповъ, составляется, по ученію странниковъ, пиррома или исполненіе антихриста; ибо, по какому-то предсказанію, «тѣло его на три части дѣлится: на образы, тѣлеса демонскія и трупы мертвія» ³.

Таковъ взглядъ странниковъ на организацію государства. Мы видимъ, что отрицаніе зашло здѣсь гораздо уже дальше, нежели у безпоповцевъ. Безпоповцы вообще отрицаютъ только формы и учрежденія государства; странники отрицаютъ и самое общество, въ которомъ существуютъ эти формы и учрежденія. Вражда противу государства достигаетъ здѣсь своихъ крайнихъ предѣловъ. Здѣсь осуждается всякое соприкосновеніе съ государствомъ. Государство, по мнѣнію странниковъ, есть язва, и всякій, прикоснувшійся къ нему, воспринимаетъ въ себя его тлетворные элементы, заражается, самъ становится язвою. Странническая теорія есть полное, всецѣлое, абсолютное отрицаніе всего государственнаго строя, отрицаніе безграничное, неимѣющее ни одной черты консерватизма.

Ученіе, которое заповѣдуетъ покорность государству, какъ факту, поупущенному Промыслу, и которое опирается на примѣръ первенствующихъ христіанъ, воздававшихъ кесарева кесареви, по мнѣнію странниковъ, отнюдь не можетъ имѣть мѣста въ современномъ мірѣ, въ царствѣ антихриста. «Разумѣйте, любимцы — пишетъ Евфимій — неприличность къ сему времени повѣстей лжеправедныхъ: въ началѣ бо евангельскія проповѣди всюду бѣ власть языческая, а здѣ еретицы богохульни обладаша; и они тогда, язычестіи властителіе, слуги токмо діавола нарекошася, здѣ же о самомъ сатанѣ по числу его (666) состоятъ слово, и не въ покореніе къ нему святіи вѣрныхъ утверждаютъ, но на брань побуждаютъ» ⁴.

Отсюда проистекаетъ слѣдующій принципъ отношенія къ государству: «аще кто слышитъ ся силенъ быти, да борется съ сата-

¹ Цвѣтникъ Евфимія. Гл. 15.

² Тамъ же.

³ Цвѣтникъ Евфимія. Гл. 15.

⁴ Цвѣтникъ, гл. 82.

ною»¹. Но «понеже діаволь есть существо невидимое, и человекъ, въ существѣ его еще бы увидѣлъ, живъ не можетъ быти, сего ради глаголетъ (Ефремъ Сиринъ): очевидно братися имуть съ тѣмъ, иже образъ его возложи на себя, всю волю сатанину исполнять будетъ»². Такимъ образомъ, странническая теорія заповѣдываетъ борьбу съ государствомъ.

Въ чемъ должна состоять эта борьба? Вопервыхъ, въ полномъ и безусловномъ отреченіи отъ государства и отъ всѣхъ дѣлъ его. *Прикасайся къ смоль очернится*. Кто вступаетъ въ какія бы то ни было сдѣлки съ государствомъ, тотъ пріемлетъ на себя антихристову печать, отрекается свободы евангельской, становится рабомъ дьявола³. Вовторыхъ, въ фактическомъ самоосвобожденіи отъ государства, чрезъ прекращеніе всякихъ обязательныхъ къ нему отношеній. Странникъ долженъ помнить, что всякая услуга, оказанная имъ государству, есть жертва, принесенная антихристу. Кто, напримѣръ, вноситъ подушный овладъ, тотъ вноситъ свою душу «въ смущенную церковь жидовскую»⁴.

Замѣтимъ еще одну характеристическую черту странническаго ученія о государствѣ. Въ то время, какъ раскольники другихъ согласій въ области политики ограничиваются однимъ отрицаніемъ, странники созидаютъ нѣчто въ родѣ политическаго идеала. Конечно, въ средѣ такого невѣжества и неразвитости, какую представляетъ странничество, трудно было бы выработаться какому бы то ни было опредѣленному и ясноочерченному идеалу. Но важно уже и то, что можно услѣдить здѣсь нѣкоторые контуры идеала. Бѣгство, которому теперь предаются странники, не есть состояніе нормальное и постоянное, по ученію самихъ странниковъ. Это — состояніе временное. Только *страшнѣи да бѣгутъ*, наставляетъ Кириллъ іерусалимскій⁵. Слѣдовательно, люди мужественные, безбоязненные должны оставаться на своихъ мѣстахъ и развивать свою общественную жизнь. Какъ должна устроиться эта жизнь? Отвѣчая на этотъ вопросъ, странники начинаютъ критикою и отрицаніемъ современнаго общественнаго строя, въ основаніи котораго положено раздѣленіе на классы по личнымъ и имущественнымъ отношеніямъ, и приходятъ къ коммунизму. «Егда — пишетъ Евфимій—оній іператоръ (Петръ) запрети сіе (исповѣданіе старой вѣры), тогда онъ, седмиглавыи, исправися въ челоуѣ-

¹ Цвѣтникъ, гл. 34.

² Собраніе отъ св. писанія объ антихр.

³ Сочиненіе Никиты Семенова: малый образъ ересей.

⁴ Отч. Мельникъ. Ч II, отд. VII.

⁵ Цвѣтникъ Евф. Гл. 34.

цѣхъ и воцарися на землѣ; повеже егда при описи раздроби народъ на разные чины, и расположи дань подушную, потомъ же и землю размежева и купечествующихъ отдѣли, да не причаливается имъ седмигривенный, и симъ раздѣленіемъ яко язычниковъ содѣя другъ на друга ратоборствовать, межи бо яко границы чуждымъ землямъ устави, еже вомуждо глаголати *свое*. Сей же глаголь св. Златоустъ проклятый и скверный нарицаеть; глаголь *мое* отъ діавола, рече, введеса; вся вамъ общая сотворилъ есть Богъ» *. Итакъ въ числѣ основныхъ идей странничества есть также коммунизмъ. Люди, изучавшіе расколъ лицомъ къ лицу, увѣряютъ, что страннической коммунизмъ существуетъ не только въ теоріи, но и на практикѣ. Такъ, рассказываетъ г. Сеницынъ, въ недавнее время нѣкто «Петровъ, страннической наставникъ, ввелъ въ своей общинѣ правила на началахъ коммунизма, по которымъ личное имущество адепта обращается въ пользу общины, и никому не позволено имѣть собственности». «Эти правила—прибавляетъ г. Сеницынъ—такъ извѣстны вездѣ, что считаются правилами всей секты».

Такова политическая догматика раскола. Переходя теперь изъ области теоріи къ жизни, мы должны сказать, что здѣсь догматическія разности совсѣмъ не имѣютъ того значенія, какъ это можетъ представляться съ точки зрѣнія отвлеченнаго мышленія, потому что въ жизни и обстановкѣ раскола есть тысячи такихъ условій и обстоятельствъ, которыя заставляютъ забывать частныя разногласія и поддерживаютъ общую солидарность всѣхъ толковъ раскола. Государственныя отношенія составляютъ ту сферу, въ которой расколъ перестаетъ быть агрегатомъ разнородныхъ частей, въ которой всѣ партіи и секты раскола получаютъ значеніе цѣлостнаго организма. Всѣ раскольники согласны въ общемъ взглядѣ на государство; всѣ согласны въ чувствахъ къ государству; наконецъ всѣ они испытываютъ одно и то же давленіе государства. Этихъ условій достаточно для того, чтобы раскольники въ области практики выработывали одну и ту же жизнь—жизнь, проникнутую однимъ и тѣмъ же духомъ, развивающуюся изъ однихъ и тѣхъ же началъ.

Вездѣ, гдѣ есть раскольники, они составляютъ общины или замкнутыя кружки, доступныя только для адептовъ раскола. Въ этихъ-то общинахъ и развивается цѣлый строй жизни, противогосударственный уже по одному тому, что онъ существуетъ мимо воли государства, внѣ общенія съ государствомъ, существуетъ съ намѣреніемъ замѣнить извѣстнаго рода порядокъ жизни государственной.

* Цѣтя. Евф. Гл. 12.

Внутренняя организація раскольниковъ общинъ очень проста. По описанію г. Сеницына, раскольниковъ община слагается изъ трехъ элементовъ. Самое видное мѣсто здѣсь занимаютъ представители и покровители раскола. Это обыкновенно—люди богатые и потому вліятельные. Они незримо для внѣшняго наблюденія управляютъ всею жизнію общины. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ пропагандистовъ, куда относятся пошны, наставники, учителя, держатели часовень и т. п. Третій элементъ составляетъ паства, безгласная и невѣжественная.

Раскольниковъ общины состоятъ въ постоянномъ, ближайшемъ общеніи между собою. Онѣ составляютъ двѣ главныя федераціи: федерацію поповщинскую, центромъ которой служитъ новообразованная раскольниковъ лжеіерархія, и федерацію безпоповщинскую, которая не выработала своего центра, но, кажется, уже близка къ этому. Судя по наблюденіямъ, произведеннымъ г. Сеницынымъ въ Ярославской Губерніи, безпоповцы стремятся къ уни чрезъ принятіе въ основу ученія однихъ и тѣхъ же правилъ (поморскихъ статей) и одного и того же официальнаго названія (поморскаго согласія). «Главный поморскій отецъ въ Ярославской Губерніи—говоритъ г. Сеницынъ—бываетъ тайно у всѣхъ перекрещенцевъ въ уѣздахъ Даниловскомъ, Любимскомъ и Романовскомъ, и вездѣ принимается съ равнымъ почтеніемъ сектаторами, незнающими уже различія сектъ, ихъ раздѣляющихъ».

Органами единенія раскольниковъ общинъ служатъ агенты по дѣламъ раскола, проживающіе въ большихъ городахъ; письменныя сношенія раскольниковъ между собою; наконецъ съѣзды и соборы.

Агентовъ раскола можно найти во всѣхъ городахъ, начальство которыхъ имѣетъ отношеніе къ расколу. Эти агенты представляютъ собою какъ-бы посланниковъ раскольниковъ государства при законномъ правительствѣ. Они слѣдятъ за всѣми дѣйствіями властей, касающимися раскола, стараются имъ дать то или другое направленіе, вообще охраняютъ интересы раскола и о всякихъ угрожающихъ опасностяхъ заблаговременно доводятъ до свѣдѣнія своихъ кліентовъ. Благодаря этимъ агентамъ раскола, для раскольниковъ не составляетъ секрета самыя секретнѣйшія дѣйствія правительства. Благодаря этимъ агентамъ, никакая гроза не обрушается надъ головами раскольниковъ неожиданно. Благодаря этимъ агентамъ, расколъ сохраняетъ свою святиню, своихъ поповъ, а укрыватели раскола—свое спокойствіе и безопасность.

Сношенія раскольниковъ общинъ между собою идутъ постоянно, производятся въ строжайшемъ секретѣ и организованы съ замѣчательнымъ искусствомъ. «Раскольники всѣхъ краевъ Россіи ве-

дуть между собою—говорить г. Мельниковъ — постоянную и дружескую переписку и всегда не личную, то-есть не отъ лица къ лицу, но отъ братства къ братству. Сектаторы Петербурга, Москвы, Саратова, Екатеринбургa, Кишинева, Нижняго, Астрахани, Иркутска извѣщаютъ другъ друга объ отношеніяхъ своихъ къ церкви и правительству. Независимо отъ того, они ведутъ и заграничную переписку съ раскольниками австрійскими и турецкими. Письма, несоставляющія слишкомъ большой важности, пересылаются по почтѣ въ обыкновенныхъ конвертахъ; если предметъ сношенія нѣсколько поважнѣе, тогда въ письмо вкладываютъ хотя небольшую сумму денегъ, чтобы оно, будучи послано по денежной корреспонденціи, не могло затеряться, или, что еще хуже, попасть въ постороннія, опасныя для раскольниковъ руки. Самыя важныя письма, раскольники пересылаютъ не иначе, какъ съ извозчиками, или съ судохозяевами, лодчанами и водоливами. Наконецъ, въ случаѣ чрезвычайной важности извѣстія, письма пересылаются съ нарочнымъ. При такомъ устройствѣ раскольниковъ почты, у нихъ заведены и особаго рода станціи — не всегда же случится найти довѣренныхъ извозчиковъ, напримѣръ, изъ Москвы въ Иркутскъ. Поэтому сектаторскія письма въ отдаленныя мѣста пересылаются изъ мѣста въ мѣсто до самаго назначенія. Пути раскольниковъ сообщеній и станцій непостоянны — все зависитъ отъ мѣста пребыванія коноводовъ раскола, чрезъ которыхъ пересылаются письма. Раскольники, привыкшіе ходить околицей въ гражданскомъ быту, и письма свои пересылаютъ окольными путями. Такъ до 1846 года сношенія нижегородскихъ раскольниковъ съ турецкими производились чрезъ деревню Моисеху (Варнавинскаго Уѣзда, Костромской Губерніи), а первыя воззванія бѣлокриницкія о лжемитрополитѣ Амвросіи получены, между прочимъ, изъ Саратова»¹.

«Сношенія раскольниковъ между собою—говорить другой изслѣдователь внутренней жизни раскола — всегда производятся чрезъ довѣренныхъ лицъ. Всего чаще для этого употребляются нищие и богомолы-сборщики подаваній; въ случаяхъ экстренныхъ во всѣ стороны скачутъ верховые вѣстовщики. Почтовая корреспонденція касается дѣль лишь самыхъ обыкновенныхъ въ коммерціи»².

«Для секретной переписки—продолжаетъ г. Мельниковъ—раскольники употребляютъ иногда особый тайный языкъ. По сдѣ-

¹ Отвч. Мельник. Ч. I, отд. IV.

² Сивилынь. Кельс. Т. IV, стр. 147.

лавнымъ дознаніямъ, тайный языкъ раскольничій бываетъ трехъ родовъ: вносказательный, тарабарскій и офенскій.

1) Въ перепискѣ, производимой на языкѣ вносказательномъ, каждое слово имѣетъ свое особое значеніе. Такъ, на примѣръ, въ одномъ скитскомъ письмѣ было написано: *мы купили соль да сырью, просушили ее на рогожкахъ и ссыпали въ сусыкъ; теперь не страшно, что рыба протухнетъ, посолимъ ее, такъ и зимой будетъ не голодно и на базаръ за състнымъ хоть не ѣди и дома сътъ будешь*. Это значитъ: «Мы сманили отъ церкви попа, еще неисправленнаго, исправилъ его на рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, и помѣстили при своей часовнѣ; теперь не страшно, что души наши погрязнутъ въ грѣхахъ безъ покаянія, есть у кого исправиться (исповѣдаться) и старухамъ теперь очень хорошо; не надобно ужъ вознть ихъ въ Городецъ пріобщаться, можн и дома пріобщить». Въ письмѣ изъ Москвы, писанномъ въ Оленевскій скитъ, было писано послѣ разныхъ извѣстій о домашнихъ дѣлахъ: *а что была у насъ рогожа—собаки все треплютъ, чуютъ соль проклятыя, соль-то охочи больно лизать*. Это значитъ: «у насъ въ Москвѣ на рогожскомъ кладбищѣ правительство дѣлаетъ розыскы, узнавъ о находящихся тамъ бѣглыхъ попахъ; очень старательно ищутъ пошовъ, чтобы ихъ взять». Въ письмѣ изъ Городца въ Семеновъ было написано: *у насъ въ сусыкъ соли довольно, пер-сыпили ее по мышкимъ для сохранности, да больно черну купили бузунъ. Масло у насъ прогоркло, а льнянаго съмемъ вовсе нѣтъ. Мы все-таки не тужимъ—теперь цѣны не подходящія. Все-таки соль барыши даетъ, да и масло купятъ—теперь масло либо горькое, либо затглое, а свѣжаго нишъ нѣтъ*. Это значитъ: «У насъ при городецкой часовнѣ есть іеромонахъ; для безопасности держимъ его не въ самомъ Городцѣ, а по деревнямъ. Іеромонахъ — жизни нехорошей, горькій пьяница, да дѣлать нечего. Теперь затруднительно имѣть хорошаго попа. И то хорошо, что въ поиѣ не нуждаемся; теперь во всѣхъ мѣстахъ попы—либо пьяницы, либо распутные, а благочестивыхъ нѣтъ вгдѣ». — *Иванъ Иванычъ поѣхалъ въ Шацкъ, а хозяйка его осталась при мѣтери, и какъ ты увидишь его, и станетъ онъ тебѣ спрашивать про наши деньги, ты ему не давай, а то неровно проплетъ въ кабакъ; вѣдь онъ съ цѣловальниками другъ и пріятель*. Это значитъ: «Иванъ Ивановичъ принялъ православіе, а жена его осталась въ расколѣ; и какъ ты увидишь его и станетъ онъ съ тобою разговаривать о нашихъ дѣлахъ, ты ему ничего не говори, чтобы не выдалъ тайны наши; будучи при церкви, онъ теперь сдружился съ православнымъ духовенствомъ». Такой вносказательный языкъ раскольники нерѣдко употребляютъ и въ

разговорѣ при постороннихъ; письма же пишутъ не сплошь этимъ языкомъ, отмѣчая таинственныя слова какимъ-нибудь условнымъ знакомъ.

2) Тарабарскимъ языкомъ называется употребленіе въ письмѣхъ однѣхъ буквъ вмѣсто другихъ. Такихъ шифрововъ у раскольниковъ не одна; но болѣе употребительная имѣетъ слѣдующій ключъ:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п.

Буквы, одна подъ другою написанныя, пишутся одна вмѣсто другой. На этомъ языкѣ, напримѣръ, *Дерепа Туфрина изъ Ролтшиъ, чошомякъ, шфяси, а кенемъ на нмеоцмахеплторъ Анкопъ Ишаньчъ, жо сепки мащокаекъ*—значить: «Семена Кузьмича въ Москвѣ, говорятъ, взяли, а теперь на преображенскомъ Антонъ Иванычъ, что ленты работаетъ». Нерѣдко въ письмѣхъ, писанномъ обыкновеннымъ русскимъ языкомъ, раскольники пишутъ собственныя имена потарабарски.

3) Офенскій языкъ—языкъ ходебщиковъ, тряпичниковъ, вязниковцовъ, которые съ тесемками, пуговками и всякой мелочью ходятъ по всей Россіи отъ Кяхты до Петербурга. Языкъ этотъ, сколько извѣстно, образовался болѣе 150 лѣтъ и раздѣлился на нѣсколько вѣтвей: собственно офенскій (во Владимірской Губерніи), галивонскій (въ Костромской Губерніи), мотройскій (въ Нижегородской и Рязанской Губерніяхъ) и пр. Языкъ этотъ, подобно языку петербургскихъ мазуриковъ и приволжскихъ прахдовъ и пр., языкъ искусственный: слова придуманы, а грамматика русская. Здѣсь представляется отрывокъ раскольниковьяго письма изъ Городца (Балахнинскаго Уѣзда) на офенскомъ языкѣ:

У Рижайсы Ильича етона хвяце захуртила, забачи сбракешь ловака да поерци на курню коръ косей. Хрутееъ шросты севритъ, керъ косей мерковитъ, а на стодницъ бакри хрудели съ юво нетаръ, карякъ коврюкъ пріерцилъ, сьіонъ и сранался.

Это значить: «У Михайлы Ильича жена очень занемогла; заложил, братецъ, лошадь, да поѣзжай въ деревню, гдѣ попъ. Отецъ старостинъ знаетъ, гдѣ попъ ночуетъ (живетъ), а въ часовнѣ двѣ недѣли его нѣтъ; какъ исправникъ (баринъ) пріѣхалъ, онъ и испугался»...

Въ письмахъ, писанныхъ на офенскомъ языкѣ, собственныя имена пишутся потарабарски, но имена многихъ городовъ, рѣкъ и пр. имѣютъ свои названія, напримѣръ, Батуся-Москва * и т. п.

Письменныя сношенія у раскольниковъ производятся большею частію по дѣламъ экстреннымъ и нетерпящимъ отлагательства.

* Отчетъ Мельникова. Ч. 1, отд. IV.

Для обсужденія же текущихъ вопросовъ раскольники собираются періодически на съѣзды и соборы. Эти съѣзды происходятъ постоянно въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Раскольники Западной Россіи съѣзжаются для переговоровъ въ Москву и черниговскіе скиты; раскольники Восточной Россіи—въ Екатеринбургъ. Общія же совѣщанія обѣихъ половинъ происходятъ во время ярмарокъ въ Нижнемъ Новгородѣ и Ирбити. Сношенія русскихъ раскольниковъ съ иностранными производятся посредствомъ раскольниковъ Августовской Губерніи *.

Для того, чтобы дать понятіе о характерѣ, образѣ и кругѣ дѣйствій раскольниковыхъ съѣздовъ, мы сообщимъ здѣсь нѣкоторыя данныя относительно угличскаго филиповскаго собора, происходившаго въ 1827 году. Совѣщанія соборныя, по всей вѣроятности, производились чинно и строго-систематически, потому что соборъ оставилъ послѣ себя акты, изложенные по пунктамъ и скрѣпленные надлежащими подписями. Предметомъ совѣщанія были не только вопросы внутренней жизни раскола—вопросы религіозно-административные и дисциплинарные, но и внѣшнія отношенія раскола. 32-е правило собора устанавливаетъ ежегодныя соборы по церковнымъ дѣламъ. 33-е правило опредѣляетъ въ помощь духовнымъ отцамъ избирать выборныхъ, для наблюденія надъ нравственною жизнію паствы; для мужчинъ это должны быть мужчины, для женщинъ—женщины. Правило 34-е читается такъ: «для наблюденія надъ всѣмъ симъ (постановленнымъ выше), нынѣ же избрать соборныхъ трехъ человекъ выборныхъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно посѣщали страны, и надсматривали, выполняется ли по всѣмъ странамъ; а гдѣ усмотрятъ упущеніе, сообщать о томъ, чего сами рѣшить не могутъ, собранію отцовъ духовныхъ». Но всего замѣчательнѣе правило 25-е, которое лишаетъ никоніанина права наследовать послѣ раскольника. По силѣ этого правила, сынъ раскольника, оставившій заблужденіе, теряетъ этимъ право на участіе въ отцовскомъ наследіи.

Но если что-нибудь даетъ раскольничьей федераціи несокрушимую прочность и силу, то это главнѣе всего—братство лицъ и общинъ. Каждый раскольникъ считаетъ всякаго отщепенца господствующей церкви своимъ ближнимъ и братомъ, и потому всегда готовъ помочь ему въ нуждѣ и бѣдѣ. Каждое личное несчастіе, случившееся въ раскольничьей общинѣ, поправляется по мѣрѣ возможности средствами цѣлой общины. Лишившійся средствъ къ существованію раскольникъ находитъ новыя средства при пособіи какаго-нибудь богатаго и вліятельнаго члена

* Липранди. Кельс. Т. IV, стр. 141—148.

общины и можетъ быть вполне увѣреннымъ, что покуда онъ остается членомъ раскольниковъ общины, средства жизни для него обезпечены. Обанкрутившійся купецъ, при пособіи раскольниковъ общины, получаетъ новые капиталы для торговыхъ операцій. «Раскольники—писалъ въ 50 годахъ г. черниговскій, полтавскій и харьковскій генерал-губернаторъ — состоятъ между собою въ тѣсныхъ связяхъ не только по религіозному единомыслію, но и по вліянію матеріальныхъ интересовъ». По словамъ этого же губернатора, богатые раскольничьи купцы доставляютъ занятіе и пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ бѣдныхъ обывателей. Существованіе круговой поруки въ раскольниковыхъ ассоціаціяхъ есть фактъ до того общезвѣстный, что всякіе примѣры и цитаты дѣлаются здѣсь совершенно излишними.

Братство раскольниковъ не ограничивается предѣлами одной общины. Въ тѣхъ случаяхъ, когда страдаетъ цѣлая община и когда сама она не въ состояніи удовлетворить своимъ потребностямъ собственными средствами, она получаетъ помощь отъ другихъ раскольниковыхъ общинъ. Такъ, напримѣръ, раскольниковы монастыри выпускаютъ легіоны сборщиковъ, и эти сборщики возвращаются назадъ съ полными кيسами денегъ. По словамъ г. Мельникова, сироты, воспитывавшіеся въ скитахъ Нижегородской Губерніи, получали пособія отъ раскольниковъ московскихъ, романовскихъ, рженскихъ, новоторжскихъ, ивановскихъ, базисскихъ, самарскихъ, хвалынскихъ и саратовскихъ. «Разсказываютъ—увѣряетъ г. Мельниковъ — будто по случаю высылки изъ скитовъ постороннихъ лицъ, одна Москва доставила по 15 рубл. сер. на каждаго высланнаго, что составитъ болѣе 11,000 рубл. сер. ¹

Подъ вліяніемъ убѣжденія въ необходимости братскаго взаимобшенія въ нуждахъ, раскольники иногда забываютъ свои религіозныя разномыслія и свои вѣковыя антипатіи. Такъ, напримѣръ, послѣ пожара, истребившаго Давыдовскій монастырь поморскаго согласія въ царствованіе Екатерины II, раскольники этой общины получили пособіе отъ враждебныхъ имъ филипповцевъ—пособіе въ такомъ размѣрѣ, что, благодаря ему, поморцы имѣли возможность возобновить свой монастырь ².

Такимъ образомъ, если смотрѣть на расколъ съ точки зрѣнія государственной, то онъ представляетъ изъ себя замкнутую корпорацию, съ своею административною и законодательною властію, съ цѣлою системой общественныхъ учрежденій и обычаевъ. Но такъ-какъ никакая замкнутая корпорация ни въ какомъ государ-

¹ Отч. Мельник. Ч. II, отд. V.

² Ист. М. В. Д. Т. VIII, стр. 392.

ствѣ терпяма быть не можетъ, даѣе — тавъ-какъ источникомъ всякой власти въ государствѣ служитъ самое государство, и никакая власть, никакое учреждение не могутъ имѣть закононаго существованія внѣ санкціи государства—то уже по одному тому, что раскольничья федерація съ ея уставами и учреждениями не санкціонирована государствомъ, мы вправѣ назвать ее явленіемъ противогосударственнымъ. Если теперь мы обратимъ вниманіе на характеръ раскольничьей федераціи и прослѣдимъ направленіе ея дѣятельности, то противогосударственный духъ ея будетъ явленіемъ, противъ котораго нельзя спорить.

Мы видѣли, какія побужденія заставляли раскольниковъ сомкнуться въ кружокъ, въ партію, и какія побужденія заставляютъ ихъ жаться другъ въ другу въ настоящую пору. Раскольники проникнуты однимъ враждебнымъ чувствомъ къ нашему государству, имѣютъ одного общаго, хотя и воображаемаго врага въ лицѣ нашего правительства. Отсюда, изъ этой враждебности къ государству, выходятъ раскольничья ассоціація. Ясно, какимъ духомъ должно быть проникнуто все, что группируется въ сферѣ этой ассоціаціи, чѣмъ выражается ея жизнь и дѣятельность.

Будучи проникнуты въ большинствѣ сердечною злобою противъ существующаго строя нашей государственной жизни, раскольники избѣгаютъ, какъ язвы, всякаго соприкосновенія съ государствомъ, обнаруживаютъ всякаго рода недоброжелательность въ отношеніи къ органамъ законнаго правительства, стремятся поставить себя по возможности въ изолированное отъ государства положеніе. Замѣчаемая многими отличная исправность раскольниковъ въ уплатѣ податей и повинностей * имѣетъ своимъ началомъ именно ихъ крайнюю нерасположенность ко всякому дѣлу съ государствомъ. Неправность передъ государствомъ необходимо влечетъ за собою столкновеніе съ государствомъ. Но этого-то они и боятся, какъ чумы. Поэтому они часто приносятъ весьма чувствительныя жертвы, лишь бы государство оставляло ихъ въ покоѣ. Еще изъ исторіи прошлаго столѣтія извѣстно, напримѣръ, что раскольники Данидовскаго монастыря вызвались на тяжкія заводскія работы въ Олонецкой Губерніи для сохраненія своей автономіи и неприкосновенности. Илья Ковылинъ, въ представленномъ имъ на высочайшее нма прошеніи о дозволеніи открыть въ Москвѣ богаделенный домъ, умолялъ государя *не подчинять во внутренности богаделенный домъ никакому надзору*. А мотивировалось это желаніе тавимъ образомъ: «поводомъ къ сему не есть неповиновеніе или противныя закономъ введенія, но единое только то,

* Генер. штаба подп. Витковскій. О раск. въ Под. Губ. «От. Зан.» 1863 г.

что всякая новость въ подчиненіи сихъ людей особому начальству, по привычкѣ ихъ всегда повиноваться избраннымъ изъ среды себя старѣйшинамъ... можетъ поселить несогласіе и довести, наконецъ, до совершенной гибели»¹. Но когда столкновение между расколомъ и государственною властію дѣлается неизбежнымъ, тогда расколъ представляетъ слишкомъ осязательныя доказательства своей нерасположенности къ государству и его органамъ. «Мнѣ—рассказываетъ г. Синицынъ— въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пошехонскаго Уѣзда рѣшительно отказали въ лошадахъ, не впустили въ избу безъ понятий; чиновнику особыхъ порученій губернатора и земскому исправнику не давали даже огня, и не продавали ни за какія деньги самыхъ ничтожныхъ по хозяйству вещей и припасовъ».

У раскольниковъ-фанатиковъ враждебность къ государству нерѣдко ведетъ къ упорному дерзкому сопротивленію законной власти, къ уклоненію отъ прямыхъ обязанностей по отношенію къ государству. Въ послѣднюю восточную войну въ Пермской Губерніи произошелъ слѣдующаго рода случай. 20 человекъ крестьянъ Тагильскаго гг. Демидовыхъ завода (Верхотурскаго Уѣзда), будучи обязаны поступить въ ополченіе, никакъ не хотѣли принять присяги и вступить въ исправленіе своихъ обязанностей. Вслѣдствіе убѣжденій, произведенныхъ начальникомъ дружины, генерал-адъютантомъ Ефимовичемъ, и архимандритомъ Палладіемъ, 9 человекъ изъ нихъ раскаялись въ заблужденіи и поступили въ ряды ополченія. Остальные остались непреклонными и объявили, что готовы платить подати, но поступить въ ратники считаютъ противнымъ евангельскому ученію, причемъ дозволили себѣ дерзко выразиться о правительствѣ².

А вотъ другой случай въ подобномъ же родѣ. 6-го апрѣля 1860 года изъ Вильманстранда (въ Финляндіи) бѣжалъ солдатъ Курилкинъ. Черезъ недѣлю онъ былъ пойманъ. На допросѣ онъ показалъ слѣдующее: причиною его побѣга было то, что въ службѣ поступаютъ противъ божьяго закона, въ которомъ говорится, что не должно брить бороду и стричь волосы. Поэтому онъ не хочетъ нести обязанностей служиваго— пусть дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ. Подозрѣнія на судей не заявилъ; но подписки не далъ, ибо она не отъ Бога; отвѣтовъ также не написалъ. На вопросъ: почему онъ не хочетъ исполнять словъ писанія: «всяка душа...» и пр., онъ отвѣчалъ: «А развѣ эти власти отъ Бога? Я повинуюсь властямъ только отъ Бога».

¹ Хр. Чт. май 1863 г. О преобр. владб., стр. 41.

² Собраніе пост. по части раскола по М. В. Д. стр. 641.

— Но эти власти тебя кормятъ и одѣваютъ, возразили Курякину.

— А когда такъ, когда все на мнѣ не отъ Бога, то мнѣ этого ничего не надо. Я знаю царя только въ Богѣ.

Съ этими словами онъ раздѣлся до нага и винулъ всю одежду въ уголь, оставивъ только крестъ, да поясъ.

Трудно повѣрить, до какихъ ужасающихъ предѣловъ доходятъ иногда раскольники въ своей фанатической ненависти къ государству. Въ 1836 году чиновникъ, ревизовавшій государственныя имущества въ Тверской Губерніи, обнаружилъ въ Никольскомъ сельскомъ обществѣ существованіе секты раскольниковъ, цѣлю которой было избѣжаніе рекрутской повинности. Женщины этого общества (вѣроятно, еедосѣвскаго) позволяли себѣ родить только по одному разу*. Это—дѣтоубійство съ сознательною противогосударственною цѣлю. Но какъ много страдаетъ страна, народъ и государство отъ дѣтоубійства, производимаго въ пылу религіознаго фанатизма! По словамъ г. Сяницына, «вообще у всѣхъ перекрещенцевъ, по ихъ правиламъ и увѣренію людей, близко ихъ знающихъ, убивать дѣтей не только не считается грѣхомъ, но еще заслугой предъ Богомъ... Для чего теперь рожать?... Чтобы подводить дѣтей подъ антихристову печать? Лучше ему не рожаться и не видѣть этого Вавилона, не дышать его заразой, не подвергаться гибели неминуемой и скорой. Избавить отъ этого кого бы то ни было, слѣдовательно и дитя—лучшая жертва Богу. Вдовы и особенно дѣвки «спроваживаютъ» дѣтей въ каждой мѣстности по своему: въ большихъ помѣщичьихъ и казенныхъ имѣніяхъ Потехинскаго и др. болѣе сѣверныхъ уѣздовъ, выдавливаютъ, вытравливаютъ, бросаютъ въ воду (въ одномъ прудѣ, лѣтъ 10 назадъ, нашли при чисткѣ до 30 утопленныхъ младенцевъ, и никто въ свое время не донесъ о томъ, потому что въ подобныхъ мѣстахъ это вещь самая обыкновенная), зарываютъ въ землю и т. п. Есть приходы, гдѣ изъ 50 беременныхъ дѣвокъ, едва-ли 5 рожаютъ живыхъ. Въ мѣстностяхъ, болѣе цивилизованныхъ, особенно гдѣ приняты разнообразныя мѣры противъ этого зла, оно проявляется рѣже. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ владѣльцы останавливаютъ его даже нѣкотораго рода поощреніями: «несите ребятъ, сколько хотите, подвидывайте, идите съ ними замужъ, только не бросайте въ Волгу». Такъ объявлено секретно въ одномъ приволжскомъ имѣніи, и тамъ сдѣлано распоряженіе платить отъ экономіи за кормленіе и воспитаніе подвидышей...»

* Ист. М. В. Д. стр. 237.

Питал враждебныя чувства по отношенію къ государству, расколъ, какъ весьма справедливо ожидать, сердечно сочувствуетъ всякому врагу государства и съ распростертыми объятіями принимаетъ всякаго злодѣя только потому, что и онъ такой же врагъ государству. Нельзя не припомнить здѣсь знаменитой выходки еедосѣвцевъ въ 1812 году. Когда опасность французскаго погрома сдѣлалась неизбежною, еедосѣвцы Преображенскаго владбища составили совѣтъ съ цѣлю обсудить средства къ сохраненію своей святыни и своей безопасности. О нравственномъ долгѣ по отношенію къ государству, о вѣрности законному правительству, разумѣется, здѣсь не могло и быть серьезнаго слова. Привязанные къ государству силою обстоятельствъ, но внутренно всегда отрегавшіеся отъ него, еедосѣвцы, очевидно, должны были придти къ рѣшенію въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Они отправляютъ къ Наполеону депутацію съ такою рѣчью: «Общество древнихъ христіанъ, угнетаемое правительствомъ, но имѣющее во всей Россіи своихъ единовѣрцевъ, къ числу которыхъ принадлежитъ почти весь простой русскій народъ безъ исключенія, побораясь Наполеону, проситъ его величество повелѣть оградить монастырь отъ всѣхъ военныхъ насилій и, уповая на его милосердіе, признаетъ его своимъ государемъ». вмѣстѣ съ этимъ словеснымъ выраженіемъ преданности Наполеону и ненависти къ законному правительству, представлены были и вещественныя доказательства этихъ чувствъ: тарелка золотой монеты и огромной величины бѣкъ, котораго вели два здоровые мужика. Депутація, разумѣется, пришла какъ нельзя болѣе по вкусу честолюбивому завоевателю. Наполеонъ командировалъ на Преображенское владбище отрядъ жандармовъ, которые и охраняли благосостояніе обителл. Когда потомъ самъ онъ вздумалъ посѣтить монастырь, то былъ встрѣченъ здѣсь, какъ хозяинъ, хлѣбомъ-солью.

Если расколъ такъ легко умѣетъ иногда поладить со внѣшнимъ врагомъ государства, то можно представить, до какой степени сочувственно можетъ онъ отнестись къ такому врагу государства, съ которымъ онъ связанъ узами племенными, родствомъ національнымъ. И дѣйствительно, разоитись съ государствомъ, подвергнуться его преслѣдованію, значитъ приобрѣсти особенное право на симпатію раскола. Раскольники принимаютъ съ любовію всякаго, кому жить въ государствѣ приходится плохо. Всякій преступникъ, трепещущій въ ожиданіи достойной казни, находитъ пріютъ и безопасность у раскольниковъ. Раскольники согласятся скорѣе самъ пожертвовать кой-какими выгодами жизни, нежели выдать того, кто ищетъ у него защиты отъ государства.

Извѣстные раскольничьи центры съ незапамятныхъ временъ служатъ притонами всѣхъ тѣхъ, которые не могли ужиться въ сферѣ государства. Такъ, напримѣръ, черниговскіе скиты, со временъ основанія своего, служатъ приютомъ для всѣхъ бѣглыхъ всего юго-востока Россіи. Здѣсь идетъ постоянная подземная война противъ государства. Достаточно припомнить, что отсюда вышелъ Емельянъ Пугачевъ, и что черниговскіе раскольники составляли ядро арміи этого самозванца, едва не поколебавшаго императорскій престолъ. Не менѣе замѣчательно въ этомъ родѣ и московское Преображенское кладбище. Находясь въ столицѣ, состоя подъ постояннымъ надзоромъ полиціи, преображенцы тѣмъ не менѣе преуспѣвали въ потворствѣ и укрывательствѣ всякихъ вредныхъ для государства людей. «Учредители кладбища — сказано въ одномъ официальномъ документѣ — вмѣсто богоугоднаго и полезнаго заведенія, сдѣлали его гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей»¹. Въ 1820-мъ году самъ императоръ Александръ писалъ на имя московскаго генерал-губернатора князя Голлицына: «Къ немалому удивленію моему, до свѣдѣнія моего дошло, что въ преображенскомъ богаделенномъ домѣ... содержатся люди подозрительные, какъ, напримѣръ, Сергѣй Гнусинъ, который при разныхъ случаяхъ принималъ разныя имена и прозванія, что сей Гнусинъ не былъ вписанъ въ шестую ревизію и показывалъ себя отпущенникомъ отъ разныхъ помѣщиковъ, что кромѣ сего въ богаделенномъ домѣ разсѣваются вредныя правила». и т. д.² Приняты были, разумѣется, энергическія мѣры противъ обнаружившагося зла. Мѣры эти съ теченіемъ времени становились все строже и строже; но зло не прекращалось. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ заявленія императора Александра, произведены были въ Москвѣ новыя дознанія по дѣламъ Преображенскаго кладбища... И что же оказалось? Оказалось, что зло развилось до громадныхъ размѣровъ, и что въ дѣлѣ укрывательства всякихъ мошенниковъ не безъ грѣха и рогожскіе собратія преображенцевъ. Оказалось, что на московскихъ кладбищахъ укрывались постоянно тысячи бездомныхъ людей, бѣглыхъ и преступниковъ. «Дѣло дошло до того — писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ гражданскимъ губернаторамъ — что упомянутыя кладбища обратились въ своего рода учрежденія, управлявшія раскольниками по всему государству, съ раздѣленіемъ его какъ-бы на округа, въ которые посылались правители

¹ Правила о надзорѣ за преобр. домомъ 1863 г. Собраніе пост. по части раскола по М. В. Д. стр. 89.

² Собраніе пост. по части раскола по М. В. Д. стр. 69.

и наставники, чрезъ что расколъ какъ-бы смыкался въ отдѣльныя гражданскія общины, подъ вліаніемъ съ одной стороны возмутительнаго ученія, обнаруженнаго изъ рукописей, найденныхъ на преображенскомъ кладбищѣ, а съ другой—подъ руководствомъ основанной рогожскими старшинами лжеметрополи»¹.

Такъ же сильно развито было пристанодержательство и въ другихъ раскольничьихъ общинахъ. Въ 1839 году, напримѣръ, петербургская полиція жаловалась, что петербургскіе еедосѣвцы, члены волковского кладбища, парализуютъ ея дѣятельность, предлагая подпадающимъ за проступки преслѣдованію законовъ безопасное прибѣжище, а въ случаѣ нужды—паспорты или другія средства для избѣжанія отъ полицейскаго надзора². По словамъ лифляндскаго генерал-губернатора, всѣ розысканія по дѣламъ, особенно подозрительнымъ во ввѣренномъ ему краѣ, оставались безуспѣшными, по той причинѣ, что мѣстные раскольники считаютъ своею обязанностію поддерживать всякаго бѣглаго и дезертира³.

Наконецъ, къ числу преступленій раскола противъ государства мы должны отнести и то, что онъ не только существуетъ, какъ гражданская корпорація, не только развиваетъ свои учрежденія, но, кромѣ того, ведетъ усиленную пропаганду. Фанатизмъ и изувѣрство, столь свойственныя расколу, всегда порождаютъ непреодолимую страсть къ распространенію своихъ убѣжденій, къ осуществленію своихъ идеаловъ въ жизни. Въ ловкости и ьскуствѣ, съ которыми ведутъ раскольники дѣло пропаганды, они едва-ли уступятъ тѣмъ заслужившимъ всемірно-историческую извѣстность агитаторамъ, которые носятъ скромное имя братьевъ Іисуса. Тамъ, гдѣ обыкновенный умъ не усмотрѣлъ бы никакихъ шансовъ на успѣхъ, раскольникъ открываетъ тысячи незримыхъ путей, ведущихъ къ его цѣли. Онъ привязывается къ каждому обстоятельству и всегда отыскиваетъ въ немъ что-нибудь благопріятное для своей цѣли; дѣйствуетъ настойчиво и неутомимо; неудача не подавляетъ его энергіи, но вдохновляетъ его на новые подвиги. Если государство сравнить со скалой, то расколъ подтачиваетъ эту скалу, какъ говоритъ латинская пословица, «*non vi, sed saepe cadendo*». Можно бы набрать множество примѣровъ іезуитской пронырливости раскола изъ обыкновенной жизни, но мы предпочитаемъ остановиться въ этомъ случаѣ на одномъ официальномъ

¹ Записка, прил. къ пред. М. В. Д. отъ 11 іюля 1855 г. Кельс. Т. II, стр. 200.

² Ист. М. В. Д., стр. 400.

³ Тамъ же, стр. 217.

документѣ. Въ 1827 году епископъ пензенскій и саратовскій Иринеи довелъ до свѣдѣнія св. синода о слѣдующихъ дѣйствіяхъ раскольниковъ въ городѣ Кузнецкѣ. Раскольники достали себѣ попа изъ иргизскихъ скитовъ. Попъ открылъ богослуженіе на соблазнъ всему городу и окрестнымъ мѣстамъ. Не довольствуясь этимъ, онъ образовалъ около себя вѣчто въ родѣ миссіонерскаго общества изъ разныхъ праздношатающихся дѣвокъ и бабъ. Проповѣдницы ходили по всему городу, входили въ дома православныхъ, хулили господствующую вѣру. Понимая огромное вліяніе женщины въ семейномъ быту, онѣ дѣйствовали сначала на женскій полъ, а потомъ и на мужчинъ. Призвана была въ помощь и наука. Раскольники устроили нѣсколько училищъ и учили здѣсь не только своихъ, но и православныхъ дѣтей. Обученіе производилось по книгамъ раскольниковымъ. Такимъ образомъ, забрано было въ руки и молодое поколѣніе. Наконецъ, раскольники не упустили ни одного изъ тѣхъ многочисленныхъ средствъ дѣйствованія, которыя на каждомъ шагу представляютъ обыкновенныя житейскія дѣла и отношенія. Такъ, на примѣръ, они пользовались базарными днями, чтобы открыто проповѣдывать свои догматы *.

Нельзя думать, что здѣсь дѣло идетъ объ одной религіозной пропагандѣ. Политическія убѣжденія раскола точно такъ же живы и сильны, какъ и религіозныя его увлеченія, и слѣдовательно, точно такъ же располагаютъ къ пропагандѣ, какъ и эти послѣднія. Что расколъ ведетъ противогосударственную пропаганду, это доказываетъ его громадная противогосударственная литература. По мнѣнію г. Шапова, вообще за послѣднее время въ литературѣ раскольниковъ начинаетъ преобладать элементъ политическій. «Съ 1655 года — говоритъ г. Шаповъ — до Петра-Великаго и даже до половины XVIII столѣтія, въ раскольниковъ письменности преобладаетъ религіозно-политическое направленіе, вмѣстѣ съ историческимъ повѣствовательнымъ. Со второй же половины XVIII столѣтія, когда раскольничьи согласія получаютъ территоріальную сосредоточенность, осѣдность, начинаютъ немного свободную гражданскую жизнь, и ученіе раскола становится на жизненно-народную почву, изъ нея развивается и получаетъ жизненныя данныя и силы, отвлеченно-религіозный элементъ слабѣетъ и выработывается чисто-политическое направленіе, только подъ формами религіозно-символическими». Чтобы судить о характерѣ политической литературы раскола, достаточно ознакомиться, на примѣръ, съ извѣстнымъ общераспространеннымъ «Сказаніемъ

* Дѣло св. синода. По арх. описи № 941.

объ антихристѣ, еже есть Петръ-Первый». Это — памфлетъ на всероссійскую имперію, самый яростный, проникнутый непримиримою враждою къ своему предмету, самый злобный памфлетъ, который поражалъ когда-либо какое-нибудь государство. Кажется, сама злоба водила рукою автора, чтобы произвести эти дышущія неумолимою злобою страницы. Языкъ «Сказанія» отличается своею русскою рѣчи безцеремонностію и отсутствіемъ всякой сдержанности. Чувство, вдохновлявшее автора, выразилось здѣсь во всей своей непосредственности и цѣлостности.

Существованіе раскольниковъ литературы противогосударственнаго характера пріобрѣтаетъ значеніе особенно важное въ виду того обстоятельства, что расколъ представляетъ собою интеллигенцію нашего простого народа и пользуется громаднымъ вліяніемъ, благодаря относительному богатству образовательныхъ средствъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что уровень образованія раскольниковъ стоитъ выше, нежели у православныхъ. По замѣчанію г. Сяницына, число грамотныхъ раскольниковъ относится къ числу неграмотныхъ какъ 1:3. Но безспорно, что процентъ грамотныхъ несравненно ниже въ средѣ православнаго населенія. Затѣмъ, во многихъ святахъ раскольниковъ существуютъ цѣлыя библіотеки, и, что еще важнѣе—цѣлыя школы для изготовленія книгъ. Такимъ образомъ, изъ раскольниковъ монастырей выходятъ противогосударственныя сочиненія въ сотняхъ, можетъ быть, въ тысячахъ экземпляровъ и распространяются въ массѣ народа. Наконецъ, не лишено основанія и то предположеніе, что раскольники имѣютъ свои типографіи внутри Россіи, которыя содержатся въ величайшемъ секретѣ. Г. Сяницынъ положительно утверждаетъ, что у раскольниковъ Ярославской Губерніи, на границѣ Даниловскаго и Романовскаго уѣздовъ, были, а можетъ быть существуютъ и теперь тайныя типографіи. По указанію нѣкоторыхъ, есть типографія и у поморцевъ, гдѣ-то на Сѣвцѣ.

IV.

Будущее раскола, какъ противогосударственной партіи.

Расколъ, какъ партія противогосударственнаго характера, не можетъ не поражать своими громадными силами и средствами. Мы не говоримъ уже о томъ, что онъ считаетъ своихъ послѣдователей милліонами, что эти милліоны составляютъ зажиточнѣйшій классъ народа. Гораздо важнѣе то, что расколъ есть цѣлое мировоззрѣніе, цѣлый юридическій кодексъ, цѣлая система учреж-

деній, цѣлый цѣль преданій, цѣлый строй жизни—словомъ, то, что расколъ есть цѣлая цивилизація, но цивилизація своеобразная, враждебная господствующей, официальной цивилизаціи. Какъ сила нравственная, расколъ гораздо болѣе грозенъ, нежели какъ сила количественная.

Но, при всемъ богатствѣ своихъ силъ, расколъ носитъ внутри себя самого зерно разложенія. Рано или поздно это зерно разовьется, и тогда не спасутъ расколъ никакія силы.

Прежде всего, какъ партія, какъ выраженіе гражданской оппозиціи, расколъ удивляетъ скудостью своего содержанія. Онъ не имѣетъ никакихъ ясно очерченныхъ идеаловъ. Вся политическая агитація его ограничивается отрицаніемъ и отрицаніемъ. Но очевидно, что отрицаніе можетъ имѣть силу на столько, на сколько оно опирается на какихъ либо положительныхъ данныхъ. Расколъ, между тѣмъ, отрицая существующій порядокъ вещей, не даетъ себѣ труда выработать теорію новаго, желаемого порядка. Чего хочетъ расколъ? «Онъ хочетъ—по словамъ г. Шедо Ферроти—не свободы и равенства; онъ хочетъ бояръ и князей, но непремѣнно длиннородыхъ, въ особенности же царя, который бы умѣлъ распорядиться съ ними безъ всякой церемоніи. Если раскольники протестуютъ противъ существующихъ законовъ, то это не значитъ, что они требуютъ законовъ болѣе либеральныхъ. Они хотятъ возвратиться къ законамъ XVI вѣка, во сто разъ болѣе суровымъ и варварскимъ, но которые имѣютъ за собою прелесть старины и изложены церковнымъ языкомъ. Что же касается до учрежденій представительныхъ, то раскольники не только не желали бы ихъ, но безусловно осудили бы ихъ, потому что на вселенскіе соборы, на св. Кирилль, на пр. Евремъ никогда не говорили о подобныхъ учрежденіяхъ. Необходимость царя, самодержца всея Россіи, для раскольниковъ такая же безусловная истина, какъ необходимость верховной главы церкви. То, чего они потребовали бы отъ идеальнаго царя своего, заключается въ слѣдующемъ: чтобы онъ не удалялся отъ нравовъ и обычаевъ народа, отъ котораго онъ долженъ отличаться только особенною роскошью платья. Царь ихъ долженъ носить длинную бороду, строго соблюдать посты и дни воздержанія, ходить каждую недѣлю въ баню, запрещать балы, спектакли, маскарады. Такого царя раскольники провозгласили бы истиннымъ намѣстникомъ Христа, и охотно подчинялись бы самымъ деспотическимъ его распоряженіямъ» *. «Политическія начала раскола—говоритъ другой изслѣдователь—высказаны можетъ быть неясно,

* Etudes sur l'avenir de la Russie, par Chedo-Ferroti. VII. P. 169—170.

не бросаются въ глаза, запутаны и затерты въ догматахъ, но все-таки расколъ держится ихъ и надѣется рано или поздно осуществитъ. Въ русскомъ народѣ ни одно начало не высказалось точно опредѣленными выраженіями, катехизисами и символами вѣры—у насъ всегда были безотчетныя стремленія, которыхъ мы не умѣли высказать, но за которыхъ умѣли страдать.

«Расколъ — по словамъ того же изслѣдователя — не умѣетъ высказать, но умѣетъ страдать за слѣдующія желанья:

1) Онъ хочетъ полной свободы совѣсти, свободы исповѣданья всѣмъ толкамъ...

2) Онъ считаетъ преступленьемъ платить подати на содержаніе чиновничества и вообще правительства... Между тѣмъ, охотно и безпрекословно повинуется выборнымъ старшинамъ и наставникамъ.

3) Расколъ при малѣйшей возможности избѣгаетъ суда у правительства. Онъ обращается въ спорномъ дѣлѣ къ старшинамъ и наставникамъ, и только крайняя нужда загоняетъ его къ чиновникамъ...

4) Паспортъ, прикрѣпленность къ мѣсту или сословію онъ ненавидитъ. Онъ и теперь требуетъ полной личной свободы.

5) Онъ ненавидитъ всякаго рода полицію.

6) Онъ требуетъ уплаты податей не лицомъ, а обществомъ. За подушный окладъ онъ объявилъ Петра I антихристомъ.

7) Расколъ хочетъ уничтоженія рекрутскаго набора, но ничего не говоритъ противъ войска, составленнаго изъ вольныхъ людей» *.

Такъ понимается политическій идеалъ раскола одними, и такъ понимается другими. На которой сторонѣ правда? Прежде всего, г. Шедо-Ферроти, по нашему мнѣнію, посмотрѣлъ на дѣло слишкомъ поверхностно. Думать, что расколъ хочетъ не свободы и равенства, а длиннородныхъ чиновниковъ да законовъ, изложенныхъ пославянски, что, слѣдовательно, расколъ могъ бы удовлетвориться одною перемѣною декорацій—значитъ или самому не обладать здравымъ смысломъ, или отнимать всякіе признаки разумности въ расколѣ. Но едва-ли было бы справедливо видѣть одинъ несмысленный дѣтскій лепетъ въ вѣковомъ протестѣ цѣлой массы народа. Г. Шедо-Ферроти проецируетъ въ области политики нѣчто въ родѣ того, что въ области церковной жизни извѣстно подъ именемъ единовѣрія. Но слабый успѣхъ единовѣ-

* Кельс. Т. I, стр. 28—29.

рія, кажется, долженъ бы разочаровать г. Шедо-Ферроти въ удобоприложимости его мечтаній къ дѣлу.

Что касается взгляда г. Кельсіева, то онъ не представляетъ ничего цѣлостнаго, законченнаго. Г. Кельсіевъ набрасываетъ только нѣкоторые штрихи политическаго идеала раскола, но не представляетъ полного его очертанія, вслѣдствіе чего онъ остается совершенно непонятнымъ и неопредѣленнымъ. Вѣдь нельзя же думать, чтобы расколъ заявлялъ свои желанія только въ томъ количествѣ, какъ отсчитываетъ г. Кельсіевъ! Политическія желанія раскола безконечны; и потому еслибы мы стали исчислять только эти желанія, не обращая вниманія на мысль, изъ которой они исходятъ, то взялись бы за самый неблагодарный трудъ, и ничего бы не приобрѣли для характеристики политическаго идеала раскола. Но, что всего важнѣе, г. Кельсіевъ видимо обнаруживаетъ стремленіе сблизить политическій идеаль раскола съ идеалами современныхъ демагоговъ. Ему хочется доказать, что расколъ въ сущности отстаиваетъ тѣ же принципы, какіе исповѣдуютъ наши эмигранты и революціонныхъ дѣлъ мастера. Съ этою цѣлію, онъ возводитъ въ общіе законы такія явленія, которыя составляютъ принадлежность нѣкоторыхъ, незначительныхъ толковъ раскола. Можно ли, на примѣръ, положить руку на сердце, сказать, что расколъ вообще считаетъ преступленіемъ платить подати на содержаніе правительства? Не говоря уже о болѣе консервативныхъ толкахъ, сама буйная еедосѣвщина оправдываетъ необходимость уплаты податей, какъ это можетъ видѣть г. Кельсіевъ на стр. 232—233 четвертаго тома собственнаго своего изданія.

Итакъ ни г. Шедо-Ферроти, ни г. Кельсіевъ не поняли политическаго идеала раскола. Чрезвычайно характеристично здѣсь то обстоятельство, что изслѣдователи раскола, принимая на себя трудъ выясненія гражданскихъ тенденцій раскола, приходятъ къ результатамъ діаметрально-противоположнымъ. Это обстоятельство служитъ непреоборимымъ подтвержденіемъ той мысли, что расколъ не выразилъ ясно своихъ политическихъ воззрѣній. Въ самомъ дѣлѣ, расколъ до сихъ поръ ограничивается одной отрицательной работой. Нигдѣ, никогда онъ не высказалъ, чего онъ хочетъ, какъ, по его мнѣнію, должно устроиться государство, на какихъ началахъ должна развиваться наша государственная жизнь.

Въ этомъ исключительно-отрицательномъ характерѣ раскольничьей оппозиціи, въ этомъ политическомъ нигилизмѣ раскола — зародышъ его паденія, какъ политической партіи. Извѣстна судьба всѣхъ нигилистическихъ ученій. Явившись въ благопріятное время, они приобрѣтаютъ громадное число послѣдователей, по той про-

стой причинѣ, что отрицаніе, не составляя тяжелой мозговой работы, все же даетъ нѣкоторое успокоеніе мысли. Но это успокоеніе — минутно; мысль начинаетъ искать точки опоры, положительнаго основанія своихъ воззрѣній, и — съ этихъ поръ начинается паденіе нигилизма. Въ исторіи ереси жидовствующихъ — этого нигилизма въ области религіи, этого отрицанья, по русскому обычаю, «на авось» — мы можемъ прослѣдить любопытный процессъ печальной исторіи нигилизма. Несомнѣнно, что в расколѣ, какъ политическое ученіе, не избѣгнетъ общей участи нигилистическихъ ученій. По той мѣрѣ, какъ начнетъ возвышаться сознаніе его послѣдователей, какъ будутъ пробуждаться въ нихъ разумныя потребности, расколѣ, какъ политическая партія, будетъ чувствовать себя слабѣе и слабѣе.

Нельзя ожидать и того, чтобы изъ политическаго нигилизма раскольниковъ современемъ выработалось нѣчто положительное. Дѣло въ томъ, что политическій радикализмъ раскола составляетъ вопіющее противорѣчіе національному характеру раскола. Царелюбіе, довѣріе къ царскому правительству составляетъ исконн характеристическую черту русскаго народа. Оппозиціонное отношеніе къ верховной власти, какое выражаетъ расколѣ, совершенно не въ натурѣ русскаго человѣка и есть истинное насиліе національнаго характера. И такъ-какъ гражданская оппозиція раскола выродилась благодаря нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ, а вѣра въ правительство составляетъ исконное, необходимое свойство русскаго духа, то нетрудно угадать, какому началу суждена побѣда въ этой безиримѣрной борьбѣ національнаго характера съ самимъ собою. Случайныя причины, поддерживающія и развивающія гражданскій радикализмъ раскола, должны очевидно исчезнуть; и тогда необходимое свойство нашего національнаго характера отпразднуетъ торжественную побѣду. Что эти случайныя причины не въ силахъ передѣлать національнаго духа, доказывается тѣмъ, что національная черта, о которой у насъ рѣчь, не могла быть изглажена въ два вѣка исторіи, самыхъ неблагопріятныхъ для ея поддержанія. Въ эти два вѣка, весь ходъ событій направленъ былъ къ тому, чтобы раскольникамъ потерять всякое довѣріе къ верховной власти. Но расколѣ не потерялъ любви и довѣрія къ верховной власти, хотя верховная власть была постоянно противъ раскола. Царелюбіе и вѣра въ царское правительство до сихъ поръ коренятся въ расколѣ и время отъ времени заявляютъ себя знаменательными явленіями. Едва-ли мы найдемъ гдѣ-нибудь раскольника, который бы питалъ ненависть къ царствующему дому. Всѣ раскольники въ глубинѣ души любятъ царя; увѣрены также, что и царь ихъ любитъ. Что же касается опрессивныхъ мѣръ, истекающихъ отъ вер-

ховной власти, то, по мнѣнію раскола, эти мѣры вынуждаются у царя разными недобрыми людьми. «Законы гражданскіе — говорилъ одинъ еедосѣвецъ — созданы не царемъ, а начальствомъ; царемъ же подписаны изъ одной боязни и опасенія за свою жизнь». Кто наблюдалъ народную жизнь, тому извѣстно, какое важное значеніе имѣетъ эта мысль. Всѣ наши народныя движенія выходили изъ этой мысли. Какъ глубоко коренится эта мысль въ расколѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго событія, описаннаго г. Мельниковымъ. Высочайшее повелѣніе 1-го мая 1853 года о высылкѣ изъ свитовъ постороннихъ лицъ было объявлено на мѣстѣ 15-го мая. Вслѣдъ затѣмъ, были отъ всѣхъ, жившихъ въ скитахъ, отобраны подписки, чтобы сломали они дома свои и сами выселились непременно въ полугодовой срокъ, то-есть къ 1-му ноября 1853 года. Несмотря на объявленіе высочайшаго повелѣнія, никто не собирався оставить скиты: одни — надѣясь на отмѣну высочайшаго повелѣнія, а другіе — не вѣря въ дѣйствительность его. Нѣкоторые неблагонамѣренныя люди распространили слухъ, будто бы высочайшее повелѣніе подложно и объявлено г. министромъ внутреннихъ дѣлъ безъ вѣдома государя императора... Еще давно носились слухи о томъ, будто бы основатель Игнатьевой въ комаровскомъ скитѣ обители, какой-то Игнатій Новоторжскій, пользовавшійся будто бы особенными милостями императрицы Екаторины II, получилъ отъ нея какую-то бумагу, по силѣ которой никто изъ преемниковъ ея будто бы не можетъ уничтожить обители, имъ заведенной... Эти рассказы довели раскольниковъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ требовали предъявленія имъ указа за собственноручнымъ подписаніемъ государя императора»¹.

Такъ глубока вѣра раскола въ верховную власть. Онъ скорѣе готовъ отказаться отъ вѣры въ осязательный и очевидный фактъ, нежели отъ вѣры въ государя. Этимъ объясняется явленіе въ средѣ раскола людей, подобныхъ нѣкоему вольноотпущеннику Иванову, который въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія волновалъ черниговскіе посады проповѣдью о томъ, что государь имѣетъ намѣреніе возстановить старую вѣру². Этою вѣрою въ верховную власть объясняются попытки раскольниковъ благоустроить свой церковный бытъ при посредствѣ гражданской власти. Извѣстно, что раскольники нѣсколько разъ просили государей о томъ, чтобы имъ дозволено было имѣть іерархію, подъ наблюденіемъ гражданской власти. Такъ въ 1830 году просили объ этомъ екатеринбург-

¹ Отч. Мельник. Ч. II, отд. V.

² Ист. М. В. Д. т. VIII, стр. 518.

скіе раскольники ¹, въ 1854 году рогожцы ², въ 1856 году — тверскіе раскольники ³.

Итакъ, политическій нигилизмъ раскола есть логическое противорѣчіе раскола самому себѣ, своему національному характеру, своимъ глубочайшимъ, можетъ быть, только недостаточно сознаваемымъ инстинктамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что исторія рано или поздно разрѣшитъ это противорѣчіе, и разрѣшитъ его въ пользу той стороны, на которой больше признаковъ силы и жизни, то-есть въ пользу національнаго чувства. Ненависть раскола къ правительству создана внѣшними, случайными обстоятельствами, и не имѣетъ почвы въ самомъ духѣ раскола.

Далѣе, если мы посмотримъ на расколъ не только какъ на политическое ученіе, но и какъ на цивилизацію, то и съ этой стороны мы не найдемъ въ немъ залоговъ добраго будущаго. Расколъ, какъ жизнь, какъ цивилизація, есть отрицаніе всякой жизни и всякой цивилизаціи. Расколъ есть выраженіе крайне односторонняго направленія жизни—направленія, которое ведетъ къ окаменѣнію и омертвенію. Историческій и этнографическій опытъ съ безспорною очевидностію доказываютъ намъ, что тѣ народности, которыя хотѣли развивать свою жизнь на исключительно-національныхъ началахъ, не давая мѣста никакому внѣшнему вліянію, весьма скоро изживались. Китайскія стѣны охраняютъ летаргію и непробудный національный сонъ. Народность, которую хотятъ изолировать отъ всякаго внѣшняго вліянія, дѣлается подобною растенію, которое выкапываютъ изъ земли, пересаживаютъ въ горшокъ и ставятъ въ теплицу: и распустится ему нѣгдѣ, и пищи получить въ достаточномъ количествѣ нѣоткуда, и свободнымъ воздухомъдохнуть нѣтъ возможности. И чахнетъ оно, повуда не истощитъ скудный запасъ питательныхъ матеріаловъ, имѣющійся въ узкомъ горшкѣ. Между тѣмъ, роста оно на свободѣ, какъ бы великолѣпно оно раскинулось, и какъ бы долго существовало! Нѣтъ, для того, чтобы народность жила, ей нужна возможно-широкая сфера дѣятельности, возможно-разнообразныя столкновенія и вліянія. Гдѣ много этихъ столкновеній и вліяній, тамъ и кипитъ жизнь; гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ застои и сонъ. На сколько ушелъ впередъ расколъ съ своею національною исключительностію?

Раскольничья цивилизація, въ концѣ концовъ, неизбѣжно ведетъ къ полному разложенію. Развитіе жизни совершается всегда съ логическою послѣдовательностію. Этотъ законъ исторіи имѣетъ мѣсто въ приложеніи какъ къ нормальнымъ явленіямъ жизни, такъ и

¹ Собраніе пост. по части раск. по М. В. Д. стр. 279.

² Тамъ же, стр. 620.

³ Тамъ же, стр. 650.

къ ея неправильностямъ. Какъ бы ложно ни было то начало, выраженіемъ котораго служить раскольничья цивилизація, оно должно развиваться логически. Но какой логическій исходъ возможенъ для раскола? Мы видѣли, что ни поповщина, ни безпоповщина не выражаютъ всей мысли раскола, и что эта мысль развита до послѣднихъ результатовъ въ странничествѣ. Итакъ, странничество есть самый логическій и слѣдовательно необходимый исходъ раскола, какъ цивилизаціи. Но что такое странничество? Отрицаніе всякихъ государственныхъ, общественныхъ и семейныхъ связей и отношеній, отрицаніе всякихъ элементовъ цивилизаціи, возвращеніе къ дикости и звѣроподобию до-историческаго времени.

Итакъ расколъ, какъ противогосударственная корпорація, не имѣетъ никакой будущности. Для этой корпораціи нѣтъ иного средства спасенія, кромѣ живой и тѣсной связи съ государствомъ, съ той цивилизаціей, которую представляетъ государство.

Какъ ни глубокою представляется та бездна, которая теперь отдѣляетъ расколъ отъ государства, все же нельзя сказать, чтобы этой пропасти положительно нельзя перешагнуть. Компромисса между расколомъ и государствомъ, гармоническое слитіе раскола съ государствомъ для общей жизни отнюдь не есть мечта. Рано или поздно существующее раздѣленіе будетъ уничтожено. Весь вопросъ въ томъ, когда устранены будутъ тѣ причины, которыя поддерживаютъ это печальное раздѣленіе.

Первою и главнѣйшею причиною, которая поддерживаетъ раздѣленіе между расколомъ и государствомъ, служитъ преслѣдованіе раскола государствомъ. Эта мысль сама по себѣ до такой степени ясна и очевидна, что не требуетъ дальнѣйшаго развитія. Прекращеніе гоненія на расколъ послужило бы первымъ шагомъ къ сближенію раскола съ государствомъ. Въ этомъ убѣждены сами раскольники. Дикіе странники готовы подчиниться государству, еслибъ только государство не стѣсняло ихъ совѣсти. «Того, по повелѣнію коего—говорилъ на допросѣ одинъ странникъ—странниковъ и христіанъ содержать въ темницахъ, за царя не почитаю, а за мучителя... Аще вы, царю Николай Павловичъ, повелиши соблюсти православную вѣру, долженъ воздать честь, дань поклоненіе; аще же ни—то ниже чести, ниже поклона, ниже дани». «И я—писалъ другой странникъ—платилъ бы дань вашему государю, еслибы онъ не запрещалъ намъ исповѣдывать истинную вѣру, и признавалъ бы его власть». До какой степени можетъ быть благотворно вліяніе политики терпимости на взаимныя отношенія раскола и государства, хорошо показали на себѣ некрасовскіе казаки. Извѣстно, что они оставили Россію въ эпоху жестокаго гоненія на расколъ, и вынесли самыя недружелюбныя чувства къ рус-

скому государству. Эти чувства передавались отъ отцовъ къ дѣтямъ, и еще въ двадцатыхъ годахъ Надеждинъ писалъ, что «у турецкихъ казаковъ-раскольниковъ неприязнь къ нынѣшней Россіи ожесточена до непримиримой, заклятой ненависти». Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ. Казаки эти переселились въ Россію, и, не въ примѣръ другимъ, пользуются полною свободою вѣроисповѣданія. И что же? Теперь эти казаки—мирные граждане всероссійской имперіи.

Нельзя думать, чтобы причина раздѣленія, о которой мы говоримъ, не могла быть современемъ устранена. Государственная мудрость изыщетъ средства къ тому, чтобы даровать свободу исповѣданія расколу, не подвергая риску благосостояніе господствующей вѣры и интересовъ имперіи.

Другою причиною, поддерживающею вражду раскола противъ государства, служитъ извѣстное направленіе нашей государственной жизни. Не одинъ Петръ перекраивалъ русскую жизнь по иноземнымъ образцамъ. Вообще политика всероссійской имперіи до самого послѣдняго времени отличалась пристрастіемъ къ иноземцамъ. Обыкновенно государство заимствовало какуюнибудь готовую политическую теорію съ Запада, и изъ этой теоріи выходили всѣ государственныя мѣры. Когда одна оказывалась несостоятельною, къ услугамъ русскаго государства была готова уже другая. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, въ русскомъ государствѣ переиспытаны были всѣ, пользовавшіяся извѣстностію на Западѣ, политическія теоріи. Такъ, въ самое недавнее только время наше государство отрѣшилось отъ принциповъ князя Меттерниха. Такимъ образомъ государственная жизнь развивалась аргіогі, во исполненіе какой-нибудь предзанятой мысли. Условія и потребности національной жизни брались въ расчетъ очень мало. Расколъ, возставшій противъ антинаціональнаго дѣла Петра, сохранилъ свою роль до послѣдняго времени. И словомъ, и дѣломъ отрицалъ онъ всѣ иноземныя заимствованія. Это служило постояннымъ поводомъ къ столкновеніямъ между нимъ и государствомъ.

Къ величайшему счастью, мы живемъ уже въ другое время. Характеръ государственной политики измѣнился. Основаніемъ государственной практики въ настоящую пору служатъ не какія-нибудь отвлеченныя идеи, но потребности дѣйствительной жизни. Весьма понятно, что государственная дѣятельность должна принять теперь народное направленіе, давая иноземному элементу мѣста лишь настолько, насколько онъ можетъ содѣйствовать удовлетворенію дѣйствительныхъ нуждъ націи.

Такимъ образомъ вторая причина раздѣленія устранена. Вмѣстѣ съ этимъ кредитъ государства поднялся въ глазахъ раскола до та-

кой степени, какъ никогда прежде. Ни одно правительство не получало отъ раскола столько выраженной довѣрія, какъ правительство нынѣ царствующаго Государя. Къ нему обращается расколъ съ смѣлымъ и безбоязненнымъ заявленіемъ своихъ нуждъ. Въ тяжкую пору смутнаго времени, ему приноситъ расколъ посильную помощь. Съ восторгомъ привѣтствуетъ онъ реформы и какъ-бы втягивается понемногу въ общегосударственную жизнь.

Третью причину раздѣленія между расколомъ и государствомъ составляетъ догматика раскола. Но безспорно, что эта догматика доживаетъ свой вѣкъ. Реформированіе ея дѣлается необходимостію. Ученіе объ антихристѣ, которое составляетъ центръ раскольничьей догматики, въ послѣднее время, съ измѣненіемъ внѣшнихъ отношеній раскола, потеряло все свое жизненное значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ вся догматика раскола потеряла точку опоры, и все зданіе раскольничьяго вѣроученія колеблется. Наступленіе кризиса чувствуется самими раскольниками. Лучшіе люди склоняются къ господствующей церкви. Событіе, недавно совершившееся въ Москвѣ, служитъ тому лучшимъ доказательствомъ. Другіе толкуютъ о вселенскомъ соборѣ. Для раскола заданъ роковой вопросъ: быть, или не быть?

Такимъ образомъ, въ обстоятельствахъ настоящаго времени мы видимъ ясныя предвѣстія наступающей побѣды государства надъ расколомъ. Мы живемъ на разсвѣтѣ того дня, въ который совершится слитіе раскола съ государствомъ. Мы уже ощущаемъ наступленіе той эпохи, когда въ русскомъ государствѣ будетъ единое стадо и единый пастырь.

Владиміръ Фармаковскій.

